ства, что Германская империя и власть императора составляют учреждения чисто теократического свойства. Светские государи и слышать об этом не хотели, потому что они успели уже наметить себе те лакомые кусочки, которые они рассчитывали получить в тот день, когда будут продаваться с аукциона владения Германской империи... Франция с своей стороны разжигала их дурные страсти, чтобы сделать их послушными орудиями в своих руках»[1]. Вот эту-то свалку и изображает наша пародия. В то время как искавшие себе прибыли от дележа Германской империи взывают, как Пруссия: «что ми хощети дати, и аз вам предам его», или как герцог Бугевитский: «его же аще лобзу, той есть, имите его», или Тизальпин, взывающий: «распни, распни его», — ряд государств, непосредственно не заинтересованных в дележе, держатся в стороне, не противодействуя. Таким образом, Швеция и Дания отмечены автором словами: «пришед обрете их спяща», Турция: «беста бо им очи отягощенны», Австрия уклончиво отвечает: «не знаю человека», а Россия, как Пилат, вопрошает: «Кое убо зло сотвори?» «И Пилат прием воду, умы руце пред народом», добавляет о ее роли автор. Бонапарт и Франция выставлены в роли неумолимых судей: «Мы закон имамы и по закону нашему должен есть умерти», «кровь его на нас и на чадех наших».

Таким способом, не прибавив от себя ни одного слова, исключительно одним евангельским текстом автор изобразил трагедию, разыгравшуюся в Раштате и кончившуюся убийством французских депутатов после выезда их из города и возобновлением войны.

Замысел автора в данном случае очень смел: перевести на евангельский язык описание интриг и дрязг, имевших целью только одну наживу, было, конечно для той эпохи предприятием необычным. Но основная цель автора этим приемом достигнута. Он показал путем резкого контраста глубокую несправедливость, допущенную, с его точки зрения, по отношению к Германской империи. Сохраняя полностью евангельский текст, автор создает впечатление пародии только тем, кто произносит традиционные евангельские слова. Когда роли евангельских героев оказались у него распределенными между европейскими государями, то дальнейшего изменения уже не потребовалось, и все искусство автора выразилось в том, чтобы, не отступая от текста оригинала, передать действительный характер «Раштатских переговоров». Критическое отношение автора к роли России во время этих переговоров выразилось в том, что ее он наделил двуличностью Пилата.

[1] Г. Гельмольт. История человечества, т. 8, стр. 35—37.